

Линь Цинбай стоял и смотрел, как Си Ань шаг за шагом приближается к нему. Его сердце сжималось и трепетало, откликаясь на ясный, сияющий облик юноши, словно весна, пришедшая на смену лютной зиме.

Когда Си Ань наконец подошел вплотную, Линь Цинбай не проронил ни слова — он просто развернулся и зашагал вглубь двора.

— Учитель!

Си Ань замер, а затем поспешно бросился следом.

— Учитель, почему вы не отвечаете?

Линь Цинбай молчал. Си Ань потянул его за рукав и снова спросил:

— Что случилось, учитель?

Линь Цинбай бросил на него холодный взгляд:

— Разве ты не говорил, что сегодня не сможешь прийти?

— Я переживал, что вы приехали в храм, поэтому закончил занятия и сразу поспешил сюда. — Си Ань улыбнулся и с надеждой добавил: — Учитель, вы ведь ждали меня, да?

— Я тебя не ждал. — Тон Линь Цинбая оставался равнодушным, он продолжал идти, легко развеивая лапами халата. — Я просто заметил, как прекрасно цветут цветы в саду, вот и решил полюбоваться.

Си Ань обвел взглядом двор. После вчерашнего сильного снегопада сад стоял голый: кругом лишь снег да снег. Откуда здесь взяться цветам?

Си Ань усмехнулся, быстро обошел учителя и преградил ему путь:

— Учитель, на улице сильный ветер, вам не холодно?

Не дожидаясь ответа, он взял Линь Цинбая за руку, проверяя, насколько она теплая. Ладони учителя оказались ледяными, словно глыбы льда. Улыбка мгновенно сползла с лица Си Аня, и он обернулся к служанке:

— Хун Юэ, сегодня на улице стужа, почему ты не приготовила Ванье грелку для рук?

Тетушка Лянь в последние дни приболела, и Хун Юэ была новой служанкой, приставленной прислуживать Линь Цинбаю. Здоровье у него было слабое, и уход требовался более тщательный, чем за остальными. Однако Линь Цинбай с детства не любил обременять других, а Хун Юэ не знала о его привычках и, раз он не просил, забыла приготовить грелку.

Служанка, встретившись с ледяным взглядом Си Аня, в панике замялась, не зная, что ответить.

За последние годы Си Ань вырос — если раньше он был едва ли по пояс Линь Цинбаю, то теперь почти поравнялся с ним в росте. Неизвестно, из-за занятий ли боевыми искусствами или по другой причине, но действовал он всё решительнее и прямолинейнее. В нынешнем поместье слуги боялись Си Аня даже больше, чем самого Линь Цинбая.

В конце концов Линь Цинбай негромко вступился за девушку:

— Это я вышел поспешно, её вины здесь нет.

Си Ань отвел взгляд. Когда он снова повернулся к учителю, холод в его глазах почти исчез. Он принялся растирать замерзшие ладони Линь Цинбая и понизил голос:

— На улице холодно, а вы не любите мороз. В следующий раз не стойте так долго.

Видя такую заботу, Линь Цинбай почувствовал, как вся недавняя досада в его душе рассеялась. Он опустил глаза и спросил:

— Ты ужинал?

— Ещё нет. А вы?

— Давай вместе.

Стоило им распахнуть дверь, как в комнату пахнуло теплом. Си Ань помог Линь Цинбаю сесть за низкий столик и принялся хлопотать. Он положил раскаленные угольки в золотую грелку, вручил её учителю, а затем подложил подушку ему под спину.

Линь Цинбай позволял ему заботиться о себе, но в глубине души не мог не чувствовать горькой разницы между ними. Стоит холодам ударить, как Си Ань, отзанимавшись весь день боевыми искусствами и проскакав на лошади против ветра, остается полным сил, с теплыми руками и ногами. А он сам — стоит постоять на ветру всего четверть часа, как конечности коченеют, тело слабеет, и приходится полагаться на чью-то помощь.

Напоследок Си Ань налил чаю и подал чашку учителю. Линь Цинбай взглянул на светло-

коричневый напиток и нахмурился:

— Что это за чай?

— Это чай из имбиря и коричневого сахара, который я привез. Он согревает желудок. Я подумал, что после долгой поездки в карете вам наверняка нехорошо, вот и заварил его. Попробуйте, учитель.

Линь Цинбай принял чашку и промолчал. Прошло столько лет, а Си Ань знал его тело лучше, чем тетушка Лянь, которая прислуживала ему полжизни. Возможно, дело было в чрезмерной чуткости Си Аня, а может, сам Линь Цинбай стал слишком избалованным, но даже будучи упрямым и гордым, он не мог не признать: дни, когда Си Аня не было в поместье, тянулись для него тяжело.

Он скучал.

Линь Цинбай опустил глаза, пряча чувства, и сделал маленький глоток.

Си Ань сидел напротив и, глядя на полный стол любимых блюд, восторженно произнес:

— Учитель, вы помните, что сегодня мой день рождения! Наготовили всего, что я люблю. Спасибо, учитель.

— Я просто сделал то, что было под рукой.

Си Ань улыбнулся, не обращая внимания на показную холодность учителя, и взялся за палочки, чтобы подкладывать ему еду. В течение всего ужина глаза Си Аня, словно факелы, неотрывно следили за Линь Цинбаем. Тот положил палочки и спросил:

— На что ты смотришь?

Си Ань рассмеялся:

— Учитель, сегодня мой день рождения.

— М-м.

— А вы приготовили мне подарок?

В прошлом году Линь Цинбай подарил ему сапоги, годом ранее — собственноручно приготовленное угощение. Каким бы обыденным ни был подарок, Си Ань всегда радовался,

словно получал великое чудо.

Линь Цинбай посмотрел на сияющего юношу и загадочно произнес:

— Получишь, когда доешь.

Он опустил взгляд и продолжил трапезу, больше не проронив ни слова. Си Ань же, проглотив пару кусков, не выдержал:

— Учитель, что это за подарок?

— Ешь.

Раз учитель сказал, Си Аню оставалось лишь с неохотой уткнуться в свою тарелку. Глядя на него, Линь Цинбай едва заметно улыбнулся и про себя подумал: ребенок.

Не успели они закончить, как из леса донесся женский крик.

— А-а-а!

Крик был пронзительным, полным отчаяния и слез. Си Ань тут же выпрямился, его взгляд потемнел. Линь Цинбай на мгновение замер с палочками в руках и негромко позвал:

— Ань-эр.

— Да, учитель.

Си Ань немедленно встал, снял со стены меч и широким шагом вышел за дверь.

Си Ань вместе с несколькими стражниками направился к заднему склону горы. Солнце уже садилось, и в лесу царили сумерки. Идя на звук, они обнаружили в чаще пятерых рослых мужчин, которые окружили девушку.

Ей зажали рот рукой, она лежала на снегу, и из её глаз, покрасневших до крови, текли слезы. Даже под тяжестью нескольких мужчин она продолжала отчаянно брыкаться, словно пойманный кролик, готовящийся к смерти.

— Черт, какая живучая девка! Мне плечо до крови прокусила! — выругался один из верзил.

— Это потому, что она не знает, с кем связалась, — льстиво поддакнул тощий. — Вот увидишь, старший брат, когда ты до неё доберешься, она сразу станет послушной.

Тщеславие главаря было польщено. Он довольно ухмыльнулся, поднял руку и принялся расстегивать пояс, выкрикнув остальным:

— Свора бездарей! Даже с одной бабой справиться не можете? А ну, проваливайте все к черту!

Остальные отпустили девушку. Она забилась в угол, дрожа всем телом и скуля:

— Умоляю, умоляю вас...

Её плач не смягчил мужчин, наоборот, лишь раззадорил их ещё сильнее.

— А-а-а! — вскрикнула девушка, закрывая голову руками.

В этот момент послышался глухой звук, и на её тыльную сторону ладони брызнуло что-то горячее. Затем воцарилась тишина.

Девушка, дрожа, открыла глаза и убрала руки от лица. Она оцепенело смотрела на ярко-алые пятна крови на своей коже, не в силах пошевелиться.

— Старший брат!

— Главарь!

Крики вернули её к реальности. Она медленно подняла голову и, остекленевшим взглядом, уставилась на происходящее.

Си Ань в черном плаще стоял к ней спиной. Его фигура была подтянутой, запястье, сжимающее рукоять меча, казалось тонким, но твердым. Клинок безжалостно пронзил горло главаря разбойников. Тот застыл на месте, глаза его расширились от ужаса. Всё произошло так быстро, что он даже не успел почувствовать боль — лишь увидел мелькнувшую черную тень, и вот в его шее уже торчит острая сталь.

Он отчаянно пытался вдохнуть, хрипя, но из раны, фонтаном брызгая, хлестала кровь, заливая одежду Си Аня. Тот недовольно поморщился и резким движением выдернул меч.

Огромное тело разбойника с грохотом рухнуло на землю. Он лежал с вытаращенными глазами, вены на лбу вздулись, а кровь из дыры в горле продолжала течь, быстро окрашивая снег в багровый цвет.

Остальные разбойники оцепенели. Хотя на их счету было немало жизней, такой жестокости они ещё не видели. Стоило им заметить, что происходит, как они бросились наутек, но из чащи уже выбежали стражники, окружив их со всех сторон.

Поняв, что выхода нет, разбойники рухнули на колени, умоляя о пощаде:

— Господин, пощадите! Пощадите! Мы не по своей воле!

Тощий, указывая дрожащим пальцем на мертвого главаря, торопливо затараторил:

— Это всё он! Он заставил нас! Мы не хотели! Больше не будем!

Видя их слезливые лица, командир стражи в нерешительности обратился к Си Аню:

— Господин, может, отведем их к Ванье для допроса?

Си Ань стоял в тени деревьев; его лицо было наполовину скрыто полумраком, и выражение глаз прочесть было невозможно. Голос его прозвучал глухо и холодно:

— Убить.

Разбойники затряслись ещё сильнее, начали бить поклоны, умоляя о жизни. Командир, глядя на рыдающих людей, не разделял решимости Си Аня:

— Господин, если это правда и их заставили, то смерти они не заслуживают. Лучше допросить их как следует.

— ...

— Если Ванье узнает, он будет недоволен, — командир решил упомянуть Линь Цинбая, надеясь, что это охладит пыл юноши.

В глазах Си Аня вспыхнул кровавый огонек. Не тратя больше ни слова, он напряг руку и в два шага оказался рядом, вонзив меч в спину одного из разбойников, а затем, развернувшись, снёс голову другому.

Наконец, волоча по земле окровавленный клинок, он ногой прижал тощего к земле. Всё произошло так стремительно, что окружающие не успели и глазом моргнуть, как двое стали безголовыми трупами.

Тощий, прижатый лицом к земле, оцепенел. Его взгляд наткнулся на окровавленную,

изуродованную голову, лежавшую рядом.

— А-а-а-а! — разбойник сорвался на визг, задержавшись, как рыба на разделочной доске. — Простите! Простите! Пощадите!

— Я всё скажу! Всё расскажу!

— Слишком шумный. — Си Ань с раздражением нахмурился. Он медленно опустил острие меча на землю, прижал им лицо разбойника и легким движением запястья вырезал ему язык.

— Мг-г-г!!! — взвыл тощий, хватаясь руками за рот. Кровь заливала всё вокруг, ногти впивались в землю, ломаясь до костей, а из горла вырывались лишь невнятные стоны. В этот момент его штаны намокли, источая тошнотворный запах мочи.

Жестокость Си Аня повергла стражников в шок. Они стояли, словно деревянные истуканы, бледные как полотно, глядя на кровавое месиво.

Си Ань медленно поднял голову, взглянул на ошарашенного командира с отвисшей челюстью и, склонив голову, вдруг улыбнулся:

— Глава Цзян, я случайно отрезал ему язык. Похоже, теперь вы не сможете отвезти его на допрос.

Командир тяжело дышал, сжимая рукоять своего меча, и невольно отступил на пару шагов. Глядя в чистые, почти невинные глаза Си Аня, он почувствовал, как по спине пробежал ледяной холод.

Си Ань тихо спросил:

— Глава Цзян, этот человек больше не может говорить, пользы от него нет. Как с ним поступить?

Командир сглотнул, лоб его покрылся испариной. Слабым голосом он ответил:

— ...Убить его.

Си Ань остался доволен. Он крепче сжал меч, залитый горячей кровью, поднял рукоять перед лицом командира и улыбнулся ещё шире:

— Действуйте.

Командир отступил ещё на шаг. Си Ань приподнял бровь, и в его взгляде мелькнула угроза:

— Глава Цзян, не хотите?

Командир встретился с этим взглядом и похолодел. У него было предчувствие: если сегодня он не убьет этого человека, то следующим под мечом Си Аня станет он сам.

Безумец.

Командир глубоко вздохнул, дрожащей рукой взял меч и, зажмурившись, нанес удар. Лезвие вошло точно в сердце разбойника. Тот дернулся пару раз и затих.

Си Ань приподнял бровь, медленно убрал ногу с трупа, поправил складки на одежде командира и понизил голос:

— Теперь мы с вами сообщники. Давайте оба будем молчать, договорились, Глава Цзян?

Командир затрясся и кивнул:

— ...Да, господин.

В этот момент за спиной послышались тихие всхлипы. Си Ань вспомнил о девушке. Та, обезумев от страха, сжалась в углу, обхватив колени руками, и с ужасом смотрела на него.

Си Ань нахмурился, размышляя, и, покрепче перехватив меч, подошел к ней и присел на корточки. Девушка испуганно вжалась в землю. Си Ань вытер кровь с лица:

— Не бойся. Мы пришли тебя спасти.

Девушка неотрывно смотрела на его лицо, не произнося ни звука. Си Ань был очень красив, особенно когда улыбался — в уголках его рта появлялись маленькие ямочки, и в этот момент он казался совсем другим человеком, не имеющим ничего общего с тем, кто только что вершил кровавую расправу.

Больше всего её поразило, как он был юн: на его прекрасном лице ещё сохранились следы детской невинности.

Си Ань спросил:

— Хочешь пойти с нами в храм, чтобы залечить раны?

Девушка опустила глаза, прикусила губу, а через долгое время, снова впившись взглядом в лицо юноши, слегка покраснела и кивнула.

Си Ань улыбнулся ещё светлее, протянул ей руку и сказал:

— Тогда пойдем со мной.

<http://bllate.org/book/22078/2295873>